

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

ВоПоГорбулин

Современный мир стремительно изменяется, и эти изменения одинаково ощутимы и небезопасны как для традиционно слабых, уязвимых государств, так и для благополучных стран так называемого «золотого миллиарда». Основным трендом современности, несущим миру эти изменения, является глобализация. Точнее, ее специфические эффекты в сфере экономики, международных отношений, экологии, гуманитарного развития, они достаточно интересны для того, чтобы уделить им отдельное внимание.

Проницаемость границ и формирование новой политической географии

Многие исследователи и, к сожалению, многие государственные деятели все чаще говорят о том, что границы между отдельными странами постепенно утрачивают свое традиционное значение, становятся проницаемыми и большей частью выполняют функции сопряжения территорий с разными таможенными и политическими режимами.

Возрастающая условность государственных границ чревата тотальным пересмотром системы международных гарантий территориальной целостности и неприкосновенности. Для молодых независимых государств это один из ключевых вызовов в утверждении суверенитета. Украина, в условиях нерешенности территориальных вопросов с Россией в части договорно-правового оформления украинско-российской границы в Азовском мо-

ре и Керченском проливе и Румынией — по поводу делимитации континентального шельфа и особых экономических зон в Черном море, находится в зоне повышенного риска.

Характерным признаком мирового общественно-политического развития становятся процессы *дезинтеграции и фрагментации национальных государств* активизация этнического национализма и сепаратизма. Мировое сообщество постепенно изменяет отношение к проблемам территориальных претензий и правового урегулирования границ, открывая перспективу, например «косовскому прецеденту». Государственность Косово, сформированная с использованием новых инструментов международной политики, еще не закреплена де-юре, но де-факто уже дала повод говорить о признании мировым сообществом и других квазигосударств на территории бывшего Советского Союза: Южной Осетии, Приднестровья, Абхазии, Нагорного Карабаха. Реализация этого сценария для Украины может грозить усилением центробежных тенденций.

Горбулин Владимир Павлович — доктор технических наук, академик НАН Украины

Прозрачность границ приводит к тому, что все более серьезным вызовом мировой стабильности становится массовая миграция из бедных стран в «эльдorado» процветающего западного мира. По некоторым подсчетам, к

2025 году мигранты могут составить 25—50% населения Северной Америки, ЕС и Японии, не владея при этом полными политическими и социальными правами коренных граждан. Усложнение социально-этнической ситуации в зоне мировой стабильности, сформированной странами «золотого миллиарда», в любой момент может дестонировать, и это будет взрыв поистине планетарного масштаба. Однако уже в обозримой перспективе Украина, расположенная в центре одного из крупнейших миграционных маршрутов Азия — Европа, будет испытывать все более серьезные трудности в контроле потоков миграции.

Линии мирового раскола

Одним из наиболее очевидных конфликтов мирового масштаба сегодня является ценностное, геополитическое и цивилизационное противостояние исламского и западного миров. После 11 сентября 2001 года мир заговорил о начале новой мировой войны — войны цивилизаций — с использованием принципиально новой тактики, оружия, информационных технологий [7].

Наиболее серьезную угрозу международной системе безопасности и спокойствия отдельных государств создает **глобальная террористическая сеть** с ее активным стремлением получить доступ к новейшим ядерным, биологическим, бактериологическим, информационным технологиям, особенно опасным в условиях тотальной открытости современного общества.

Не менее явная и грозная тенденция — **нечто контролируемое распространение ядерных технологий, оружия массового поражения и средств его доставки**. В качестве примера можно привести ситуацию с Северной Кореей. Проблема не в том, что эта страна может воспользоваться ядерным оружием, хотя такая перспектива достаточно реальна, а в том, что она может его продавать. Дополнительная опасность кроется здесь и в том, что создание ядерного оружия Северной Кореей и Ираном может привести к ответному возобновлению ядерных программ Японией, Южной Кореей и другими странами. По прогнозам, к 2020 году количество ядерных государств достигнет 10—12. Также сохраняется вероятность передачи ядерного оружия террористическим организациям, например по линии Иран — «Хезболла». Данный факт свидетельствует об ослаблении военного диктата западных стран образца 50-х годов двадцатого столетия.

Западный мир уже далеко не так монолитен, как в эпоху «холодной войны». Сегодня США

явно не заинтересованы в том, чтобы объединенная Европа стала самостоятельным военно-политическим игроком мирового уровня. При этом сами Соединенные Штаты Америки переживают беспрецедентное падение популярности в международном сообществе, во многом спровоцированное военными действиями на Балканах и в Ираке. Европейский Союз, в свою очередь, также вступил в черную полосу снижения темпов экономического развития, миграционных проблем и постепенного угасания интеграционного импульса, что было продемонстрировано недавним провалом голосования по общеевропейской Конституции. В итоге занятые преимущественно собственными проблемами «старая Европа» и США испытывают значительные трудности в формировании консолидированной военной политики и стратегии безопасности.

Помимо цивилизационного раскола в мире стремительно углубляется пропасть между **богатыми и бедными странами**. Фактически происходит процесс «пролетаризации» стран третьего мира вследствие перенесения туда тяжелой промышленности из стран первого мира. Это приводит к преобразованию стран наций в государства-классы, распространению менталитета рабочего класса на подавляющее большинство населения стран третьего мира.

Мировые ресурсы всегда будут притягиваться богатыми странами и перетекать в них. В обозримой перспективе в развивающихся странах так и не состоится долгожданное усиление и процветание среднего класса. По оценкам ООН, к 2025 году 7,8 млрд жителей планеты, то есть абсолютное большинство (90%), будут относиться к третьему миру. Помимо прочего, это может окончательно подорвать веру в миф об универсальности западных ценностей либерализма и демократии, вызвать новый всплеск политической активности незападных обществ, в том числе в виде исламского фундаментализма.

Вместе с тем существенно ухудшится положение среднего класса и в странах «золотого миллиарда». За значительное увеличение среднего класса, ставшего одним из основ стабильности этих стран, приходится расплачиваться повышением стоимости продукции, ростом инфляции и серьезной задержкой процессов накопления капитала. Поэтому в период до 2030 года будут попытки уменьшить как относительную, так и абсолютную величину среднего класса с помощью демонтажа социального государства, сокращения госбюджетов и т. д. Однако просвещенный и привыкший к комфорту средний класс вряд ли пассивно согласится со своей пролетаризацией и марги-

нализацией. Социальные бунты в мировом масштабе — это более чем серьезно.

Нарастание ресурсного и энергетического дефицита

В начале XXI века произойдут фундаментальные изменения в энергетической сфере. Заканчивается эра низких цен и происходит переход к эпохе **глобального энергетического дефицита**. Спрос на нефть и газ увеличивается, прежде всего, из-за растущего потребления этого сырья в Китае и других новых индустриальных странах Азии. По мнению Международного энергетического агентства, общемировой спрос на энергоносители к 2030 г. может увеличиться на 37—50 %. Еще в 1999 году нефтяные цены составляли примерно 15 долл. США за баррель. За последние пять лет цены на нефть (с поправкой на инфляцию) выросли вчетверо [8].

При этом все большая часть нефтегазовых ресурсов в мире будет сосредотачиваться в руках добывающих стран Ближнего Востока, СНГ и Латинской Америки. В первую очередь, речь идет об Иране, Венесуэле и России. В то же время объем добычи нефти на территории США неуклонно падает уже на протяжении 20 лет.

Страны-доноры энергоресурсов, вполне осознавая открывающиеся перед ними перспективы, стремятся освоить как можно более обширные рынки сбыта нефти и газа в мире. Весьма показателен пример России, обладающей одним из крупнейших мировых энергетических запасов. Начиная с 2004 года, правительство России реализует агрессивную стратегию по диверсификации рынков сбыта энергоносителей, газотранспортных сетей и иных транзитных маршрутов. Уже сегодня «Газпром» покрывает более трети потребности Западной Европы в газе. По некоторым прогнозам, в ближайшее время Европа будет импортировать из России до 50% природного газа и 30% нефти. Не менее активен «Газпром» и на восточном направлении. Быстрорастущий энергорынок Азии, и в первую очередь Китая, открывает огромные бизнес-перспективы для российского газового гиганта. В последние годы Российская Федерация начала строительство нескольких мощных трубопроводов и в европейском, и в азиатском направлениях. Суммарная пропускная способность строящихся мощностей вполне сопоставима с уже существующими. Однако вопрос их наполнения энергоносителями остается открытым.

Дело в том, что, наращивая экспортные обязательства, Россия не выдерживает симметрич-

ных темпов наращивания добычи энергоресурсов на своей территории. Количество разведывательно-поисковых работ по газу за последние 10 лет сократилось более чем вчетверо, а введение в эксплуатацию новых месторождений — впятеро. Намерения России увеличить поставки энергоносителей на азиатские рынки и довести их долю до 30% всего объема энергетического экспорта к 2020 году (а это минимум 65 млрд кубометров газа и 60 млн тонн нефти в год) повергло Европу буквально в шок [8]. Европейский Союз опасается, и весьма обоснованно, что газа на всех не хватит.

Результатом этих процессов стало формирование глобального энергетического рынка, который будет функционировать по принципу конкуренции потребителей, а не производителей. А это уже принципиально новая для мира ситуация и новые правила «игры». И тому, кто будет участвовать в установлении этих правил, будет легче действовать. Не случайно 2006 год, как никакой другой, характеризуется интенсивностью энергетической дипломатии. «Нефть становится новой валютой внешней политики». Этот тезис был подтвержден саммитом «большой восьмерки», прошедшим в 2006 году в Санкт-Петербурге, где была сделана первая попытка интегрировать национальные интересы отдельных стран в основные принципы энергетического взаимодействия, которые могут быть предложены мировому сообществу.

Для нас новая энергетическая ситуация опасна уже тем, что в процессе передела и перекраивания глобального рынка энергоресурсов Украина с ее достаточно серьезным транзитным потенциалом фактически осталась на его обочине. Активное строительство новых транзитных маршрутов стремительно обесценивает украинские трубопроводы. Украина не принимает никакого участия в интенсивном энергетическом диалоге. Ведь после скандальных событий 2005—2006 годов наша страна обрела стойкую, хотя и негласную репутацию «слабого звена» в евразийской системе транзита энергоресурсов. В обозримой перспективе Украина может даже оказаться лишним звеном в этой цепи.

Новые центры силы

Одним из наиболее интересных эффектов глобализации является беспрецедентный рост влияния транснациональных корпораций (ТНК) и финансовых групп на экономическое и общественно-политическое развитие мира в целом и национальных государств, в частности. Экономическая экспансия ТНК фактически «вымывает» суверенитет экономически слабых стран, усиливает их зависи-

мость от глобальной экономической конъюнктуры. Транснациональные корпорации, по сути, являются аналогом мирового министерства экономики и торговли. Соседняя Россия чутко отреагировала на эти тенденции. За последние несколько лет «Газпром» превратился в классическую транснациональную корпорацию, способную не только диктовать условия на энергетическом и других рынках, а и ощутимо влиять на политику национальных государств. На очереди создание не менее мощных корпораций в нефтяной сфере (путем слияния «ЛУКОЙЛа», «Роснефти» и других компаний), металлургической («Российский алюминий»), атомной и авиастроительной. Украина в силу сохранившихся с советских времен кооперативных связей в экономике, а также по причине ее географической близости и геополитической привлекательности в скором времени ощутит мощное давление российской экономической экспансии. Украинские предприятия и корпорации — группа риска для поглощения гигантами российской экономики.

Сегодня в мире формируются и более могущественные, чем ТНК, центры силы [14]. На роль новых мировых лидеров небезосновательно претендуют Китай и Индия вместе с Россией и Бразилией. Например, сохраняя настоящую динамику экономического роста, до 2040 года Китай станет вторым государством мира после США, Индия опередит Японию до 2035 года, а валюты обеих стран станут мировыми уже в 2020 году. До 2050 года суммарный объем экономик Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) превысит суммарный объем ВВП стран «большой семерки». К этому времени из нынешних стран-лидеров лишь США и Япония смогут сохранить свои места в «большой шестерке» самых могущественных экономик мира.

Стремительно вырываясь в мировые лидеры, недавние представители третьего мира претендуют на создание и осуществление собственных проектов глобализации, альтернативных западным. Так, подписанный три года назад договор о сотрудничестве между Китаем, Индией, Бразилией и Россией был немедленно расценен как вызов «глобализации по-американски» и ВТО.

Достаточно серьезно заявило о себе и другое межгосударственное объединение с участием России и Китая — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В 2005 году страны-члены ШОС провели ряд масштабных военных учений, которые не остались незамеченными международным сообществом. Важную роль для стран ШОС играет неподконтрольность их месторождений нефти и газа амери-

канским и британским компаниям. Планы по формированию на базе ШОС единого регионального энергетического рынка и создания газового ОПЕК выглядят тем более вероятными в перспективе присоединения к этой организации Ирана. В контексте роста потребления энергоносителей и отсутствия значимых альтернативных источников энергии ресурсные и экономические преимущества упомянутых стран с легкостью конвертируются в геополитическое влияние, далеко выходящее за региональные границы.

Таким образом, современный мир после относительно продолжительного периода двухполюсного противостояния во времена «холодной войны» и короткого этапа однополюсности входит в режим многополярности. За 55 лет «ядерного» периода состоялось свыше 260 войн из 300 войн XX столетия [16]. По некоторым данным, в последнее время мировые затраты на вооружение приблизились к расходам времен «холодной войны».

Начало XXI века является своеобразным водоразделом. С одной стороны, это конец великой эпохи Модерна, а с другой — начало некоей пока еще неизвестной новой мировой системы. При этом диапазон оценок того, что происходит на планете, очень широк: от констатации краха биполярного мира до амбициозного провозглашения «конца истории».

Демократические завоевания открытого общества существенно расширили перспективы гуманитарного развития человечества. В то же время они поставили мир перед угрозой перманентной политической нестабильности. И сегодня в мире нет ни одной страны, ни одного сообщества, способных обеспечить себе стопроцентную защиту от этих рисков. Любое незначительное изменение в любой точке мира способно вызвать масштабную перестройку всей системы: мир, подвержен влиянию эффекта бабочки. В такой ситуации роль международных институтов и структур в обеспечении глобальной стабильности многократно возрастает. Однако, как показывают драматические события последнего времени, старые организации и альянсы — ООН, НАТО, G7 — перестают отображать новую политическую и экономическую реальность, неадекватны ей, а значит, не вполне эффективны. Поэтому желание предугадать будущее сегодня уже не является сугубо интеллектуальной задачей. Это — вопрос выживания отдельных стран и мирового сообщества в целом.

Сценарии будущего

В максимально крупном масштабе сценарии будущего были описаны в проекте «Карта

глобального будущего», разработанном Национальным советом по разведке США в 2005 году с привлечением более тысячи специалистов в области стратегического анализа. Изрядная доля футуризма не мешает увидеть в четырех вариантах развития мира продолжение и предельное заострение тенденций, обозначенных выше.

Согласно сценарию «Давосский мир» [9], в 2020 году в глобальной экономике уверенно доминируют Китай и Индия. Темпы их экономического роста давно превысили европейские показатели и стремительно догоняют американские. Китай и Индия также преуспели в освоении наукоемких технологий, увеличили свое политическое влияние и военную мощь. При этом все страны мира, в том числе и новые лидеры, придерживаются правил, написанных на Западе. Основной опасностью для остальных государств при реализации данного сценария будет угроза неконкурентоспособности по сравнению с передовыми странами.

Сценарий «*I ax AHeriΓaOa*» [12] уже самим названием оставляет лидерство за США, которые смогли восстановить политическое единство с Европой и «обуздать» государства Ближнего Востока. Однако в обмен на доминирование США получают бремя ответственности за мировую безопасность и рост недовольства со стороны бедных и развивающихся стран.

Третий сценарий, «*Новый . алифат*» [10], наиболее «апокалипсичен» для Запада, — в мире будущего господствует транснациональное теократическое сообщество. К его возникновению привел технологический и информационный прогресс исламских стран при сохранении ими традиционных ценностей, что углубляет их конфликт со странами Запада. Данный сценарий означает возврат к неофеодализму и антагонистичен американскому проекту — отсюда неизбежность непримиримой борьбы между ними. Примечательно, что при реализации данного сценария многие изначально неисламские страны, например Россия, тоже стали бы частью халифата.

Сценарий «*Спираль стра. а*» [11] наименее благоприятен для современной мировой системы и прежде всего — для стран «золотого миллиарда». Он предполагает бесконтрольное распространение оружия массового уничтожения, глобальный экономический коллапс, крах современных международных институтов и международной системы. Интересно, что подобное развитие событий отнюдь не отменяет глобализацию, но протекать она будет в самых примитивных формах

«перераспределения награбленного». Однако во всех прочих отношениях «Спираль страха» будет знаменовать собой безусловный конец западной цивилизации.

Известный специалист в области глобалистики И. Валлерстайн (США) выделяет *три исф торические альтернативы развити мировой системы* для периода после 2025 года [5].

Перва альтернатива состоит в переходе к «неофеодализму», то есть воспроизведению докапиталистической эпохи глобальной нестабильности. Характерной особенностью данной системы будет возникновение «мозаики» автократических регионов, связанных между собой лишь горизонтальными связями. Такая система может оказаться достаточно совместимой как с высокими технологиями, так и с новыми энергосберегающими стратегиями, позволяющими отказаться от нефти и газа.

Втора альтернатива связана с установлением «демократического фашизма», когда мир будет разделен на две касты: высшую, с довольно высоким уровнем эгалитарного распределения (20% населения стран «золотого миллиарда»), и низшую, состоящую из «пролов», то есть из лишенного политических и социально-экономических прав пролетариата (80% остального населения мира).

Третьей альтернативой может быть переход к более децентрализованному и высокоэгалитарному мировому порядку. Для ее реализации необходимо значительное сокращение потребительских затрат, чтобы дефицитные ресурсы могли быть распределены по всему миру относительно равномерно. Такая альтернатива кажется довольно утопичной, так как население стран «золотого миллиарда» уже привыкло потреблять дефицитные ресурсы в больших количествах.

Еще один известный исследователь мировой системы Дж. Арриги (Италия) также предлагает *три сценари развити современного мира* [1].

Первый сценарий — это возникновение глобальной империи Запада. Такой вариант возможен только при объединении усилий всего Запада. Только в этом случае бывшие центры европейской всемирной гегемонии с помощью силы, хитрости, убеждения смогут присвоить избыточный капитал, который уже сегодня начинает накапливаться в новых центрах мировой гегемонии (Юго-Восточная Азия). Реализация этого сценария означала бы конец не только современной мировой системы, но и капитализма в его современном виде и переход к неофеодализму.

Второй сценарий предполагает передачу Соединенными Штатами Америки своих гегемонистических функций другим, незападным, государствам, вероятнее всего, странам БРИК. При этом современная мировая система получила бы ресурсы для дальнейшего развития в условиях принципиально новой международной системы. Однако новый гегемон не имел бы достаточно возможностей для государственного строительства и военного доминирования.

В таком случае в капиталистической мировой экономике произойдут мутации, которые в дальнейшем преобразуют ее в посткапиталистическое мировое рыночное сообщество. Серьезным препятствием в реализации такого сценария является тот факт, что восточно-азиатская экспансия до последнего времени так и не сумела открыть новый путь развития для себя и мира, который коренным образом отличался бы от сегодняшнего, заведшего мир в тупик.

Третий сценарий — это неудачная попытка образования глобальной мировой империи в результате упадка или силового уничтожения стран, среди которых мог бы появиться новый мировой гегемон. Это сценарий общей дезинтеграции и глобального неофеодализма: мир ожидает крах капитализма и современного способа международной интеграции, локализация государственных, экономических, культурных образований. В этом случае современный мир возвратился бы в состояние системного хаоса, из которого он возник 500 лет назад. Это наиболее пессимистический сценарий и вместе с тем довольно реальный.

Таким образом, исследователи предлагают похожие сценарии мирового развития и сходятся во мнении, что основные институты международной безопасности к 2025—2030 годам либо кардинально изменятся, либо на смену им придут новые организации. В условиях глобальных изменений возрастает роль силовой политики. Ведущие мировые страны уже сегодня берут на вооружение концепцию «упреждающей обороны», планируют действовать вне национальных границ, использовать силовые структуры для защиты экономических интересов, постконфликтного урегулирования и борьбы с международным терроризмом. При этом повышается значение комплексных, системных подходов к решению вопросов развития и реформирования сектора безопасности XXI века.

Безопасность Украины — т010

Украина, в силу особенностей ее геополитической и политической географии, является

своеобразным резонатором международных процессов. Этот факт был очевиден на заре становления государственности и суверенитета Украины. Очевиден он и сегодня. Однако до сих пор нашей стране не удалось реализовать грамотную стратегию упреждения соответствующих рисков и использования преимуществ. Определение внешнеполитического курса, который в полной мере отвечал бы национальным интересам Украины, одновременно гарантируя безопасность и опираясь на поддержку населения, — судьбоносная задача, стоящая перед страной. Но в каких координатах Украина должна обрести свое будущее — принять европейскую концепцию нейтральности, вступить в военно-политический союз или избрать исключительно свой путь?

Исследования, проведенные в Днепропетровском филиале Национального института стратегических исследований А. Шевцовым, В. Шеховцовым с участием автора, позволяют предложить для анализа несколько возможных вариантов [16].

Нейтр литтпо европейской модели

Неприсоединение Украины к международным военным блокам и обеспечение обороноспособности собственными силами, исходя из базового принципа неприкосновенности территории нейтральной страны, открывает перед Украиной ряд заманчивых перспектив. На нейтральную Украину перестанет оказывать давление геостратегический российско-американский конфликт по поводу членства в НАТО. Будут созданы реальные возможности использования стратегических транзитных преимуществ Украины и, соответственно, оздоровится атмосфера энергетического диалога с Россией. Интеграция Украины в мировое экономическое пространство будет осуществляться на основе более выгодного нашего участия в международном разделении труда.

Однако учет негативных факторов, а это необходимо, приводит к сдержанности в интегральной оценке этого варианта. Во-первых, Украина геополитически расположена «между двух огней», между зонами влияния могущественных военных блоков. И в случае теоретически возможного военно-политического противостояния на континенте положение нейтральной Украины может оказаться недопустимо сложным. Вероятность такого развития событий не так уж низка, учитывая рост военно-политической нестабильности и конфликтности в мире, активность международных террористических группировок и новую гонку вооружений. Сегодня оборонная про-

мышленность Украины способна производить вооружение и воинскую технику лишь в объеме 5% от необходимого. Реструктуризация оборонной промышленности на ближайшую перспективу является неподъемной задачей для экономики Украины. Поэтому правовому закреплению нейтрального статуса Украины должны предшествовать быстрые и качественные реформы в экономике и ВПК.

Усиленный нейтралитет

Учитывая факторы «за» и «против» обретения Украиной нейтрального статуса, можно было бы рассматривать вариант нейтралитета, усиленного протекционизмом отдельных государств и союзов, например юридическим договором об обеспечении гарантий военной безопасности Украины со стороны США, НАТО и России. Но для этого НАТО должно отказаться от дальнейшего расширения на восток, а США и Россия — от использования Украины в целях реализации своих геостратегических интересов. Камнем преткновения при реализации такого варианта, как и в случае нейтрального европейского статуса, станет вопрос о выводе с территории Украины военно-морской базы России, поскольку непредоставление территории — ключевое требование к юридически нейтральной стране.

Внеблоковость

Как одна из возможных альтернатив для Украины может рассматриваться внеблоковый статус без права на нейтралитет, поддержанный договором о гарантиях военной безопасности Украины со стороны ведущих ядерных стран. В этом случае Украине придется ориентироваться только на собственные силы, без права стать членом любых военно-политических союзов и без обеспечения основного права нейтральной страны — неприкосновенности ее территории. Тем не менее, Украина получит определенные внешние гарантии военной безопасности от стран-гарантов.

Первые шаги к такому договору уже были сделаны в 1994 году при подписании «Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», также известного как Будапештский. Однако Меморандум — это политический документ, который не имеет юридической силы, как, например, статья 5 Положения о коллективной обороне НАТО.

Успех в обретении Украиной внеблокового статуса будет зависеть от ее настойчивости при обсуждении политических, военно-поли-

тических и экономических инициатив на международном уровне. Не исключено, что главным препятствием на этом пути станет проблема обеспечения военной безопасности Украины собственными силами.

Усиленыя внеблоковость

Как одну из альтернатив можно рассматривать также модель внеблокового статуса, усиленную договором о гарантиях безопасности Украины со стороны одной из стран «большой восьмерки». Однако прежде необходимо четко сформулировать ответы как минимум на три вопроса. Каковы стратегические интересы страны-гаранта в регионе, в котором расположена Украина? Интересы какого государства будут ущемлены таким договором? На какие именно уступки может пойти Украина, подписывая такой договор? Оба из наиболее явных кандидатов на возможное подписание договора — США и Россия — имеют настолько сложнопереплетенные интересы и цели, настолько амбициозные планы относительно обустройства регионального будущего, что, скорее всего, предложат Украине пойти на неприемлемые и крайне невыгодные уступки.

Вступление в НАТО или другие военнополитические блоки

Членство Украины в НАТО или другом военно-политическом блоке сегодня является оптимальным решением с точки зрения противодействия транснациональным угрозам. На уровне отдельного государства эффективно противодействовать этим вызовам достаточно сложно, особенно учитывая уровень экономического и технологического развития Украины. Страны, играющие сегодня ключевую роль на геополитической карте мира, радикально пересматривают свои концепции обороны и безопасности, предпочитая глобальные экспедиционные операции стационарной обороне, кооперацию и интеграцию — выполнению военных задач собственными вооруженными силами.

Кроме того, как показывает опыт стран-участниц военно-политических блоков (и в первую очередь НАТО), скоординированная общая политика в области безопасности обходится государствам дешевле, чем обеспечение собственной безопасности самостоятельно, когда необходимо строить систему обороны «по всем азимутам». Став членом военно-политического блока, Украина получит возможность принимать непосредственное участие в принятии решений, касающихся не только национальных интересов, но и создания современной архитектуры безопасности в регионе в целом.

На наш взгляд, достаточно перспективным вариантом обеспечения безопасности Украины сегодня может быть ежегодное наращивание объемов сотрудничества с НАТО до такого уровня, когда вступление в Альянс станет сугубо формальной процедурой. Привлекательность такого решения связана с достаточной степенью свободы в определении странами-участницами своего вклада в военно-политическую активность Альянса; открывающимися возможностями выхода на новые рынки сбыта вооружений, доступа к новейшим технологиям, модернизации собственных вооружений и диверсификации военного арсенала; улучшением инвестиционной привлекательности государства. И, наконец, необратимостью демократизации общества и государства. Для примера [16]: в 1997 году в экономику Польши было инвестировано 2,7 млрд долл. США, в 1999 г. — после вступления Польши в НАТО — уже 8 млрд. Прямые иностранные инвестиции в экономику Чехии и Венгрии в 1997 году составляли 4 и 6,2 млрд долл., в 1999 — 12,8 и 14,5 млрд соответственно. Иностранные инвестиции в экономику Болгарии после вступления в НАТО возросли вдвое, Румынии — на 141%. Единственное и пока непреодолимое препятствие заключается в том, что выбор одного из векторов внешнеполитической интеграции для Украины сопряжен с внутривнутриполитическим и внутринациональным конфликтом.

А с другой стороны, к тому моменту, когда политикам и обществу все-таки удастся прийти к согласию в этом вопросе, может измениться для Украины нынешнее стремление стать членом НАТО. Ведь уже сейчас выдвинут проект «Глобального партнерства», что может превратить НАТО в совершенно новую глобальную систему безопасности, отношение к которой будет формироваться с чистого листа.

За 15 лет, прошедших с момента обретения Украиной независимости, окружающий мир существенно изменился и готовится к еще более масштабным изменениям. А внутренняя и, особенно, внешняя политика сегодняшней Украины осуществляется в устаревшей системе координат двухполюсного миропорядка. Вопрос о членстве в НАТО или других международных военных организациях должен быть не самостоятельной проблемой, а производной от стратегии национальной безопасности Украины. А стратегия, в свою очередь, должна давать четкое представление о роли, которую играет страна в мировой политической и экономической системах.

Подытожить статью хотелось бы следующими размышлениями.

Первое. Современная мировая система в ближайшее время столкнется с серьезными вызовами. Вполне возможным может оказаться кардинальное изменение геополитической карты мира. Значительную роль в этом процессе будут играть такие факторы, как владение энергоресурсами, доступ к новейшим технологиям и развитие национальной информационной инфраструктуры. Украина должна уже сейчас сосредоточить значительные усилия на альтернативных путях обеспечения энергоносителями, сохранении и развитии имеющейся технологической базы, расширении собственных информационных возможностей и интеграции в региональное и мировое пространство.

Второе. Ряд современных систем коллективной безопасности (например, НАТО) могут оказаться недостаточно эффективными. Реализуя миссию обеспечения безопасности государств-членов, НАТО все больше выходит за рамки оборонной деятельности в сугубо военном значении этого слова. Данная ситуация не должна стать неожиданностью для Украины. Поэтому необходимо уже сегодня конструировать пространство безопасности для Украины двадцать первого века. Например, рассмотреть вопрос о создании региональных структур безопасности, которые могут строиться на принципах многовекторности и паритетных взаимоотношений со всеми соседями. Анализ существующих и потенциальных структур безопасности требует внимательного отношения к перспективам членства Украины в НАТО. На данном этапе атлантический выбор Украины в целом отвечает интересам обеих сторон, поскольку позволяет решить одну из основных геостратегических дилемм в Европе и существенно расширить перспективы развития партнерских отношений между всеми европейскими странами, включая и США.

Третье. Базируясь на принципах последовательности и здорового прагматизма, внешняя политика Украины должна ориентироваться, прежде всего, на формирование европейских стандартов и качества жизни для граждан страны, преломление негативного сальдо миграции населения в соответствии с задачами национальной демографической политики. Реализация таких принципов возможна только в условиях правопреемственности власти, закрепления законодательными актами промежуточных целей и задач, способствующих решению проблемы в целом.

Четвертое. Стоит переосмыслить проблему регионального статуса и потенциала влияния Украины, отбросив стереотипы и ложные представления о невозможности лидерства. Геостратегическое расположение Украины

позволяет при определенных условиях влиять на развитие больших территорий от Балтийского до Черного и Каспийского морей. Украина должна и может более активно действовать в регионе, в том числе, осуществлять посредническую миссию в решении узловых вопросов региональной политики между странами ЕС и государствами СНГ.

П. тве. Украина до сих пор в полной мере не использует свой нередко исключительный потенциал. В частности, это касается аэрокосмических и ядерных технологий, промышленности и сельского хозяйства. Одним из приоритетов государственной политики в сфере безопасности должно стать целеустремленное продвижение украинских ноу-хау и высокотехнологической продукции на мировые рынки, участие в европейских программах благодаря расширению собственного рынка. И наоборот, крайне важным является импорт технологий для развития отсталых секторов промышленности, в первую очередь сельского хозяйства. По убеждению экспертов, внедрение в сельскохозяйственные отрасли передовых технологий позволит получать ежегодно 100—150 млн тонн зерна и конкурировать в этом сегменте не только с Европой, но и с США и Канадой.

И, наконец, последнее по списку, но не по значению. Ключевым вопросом для достижения вышеозначенных ориентиров является необходимость консолидации власти. Украинская власть, которая в настоящее время разрознена и не имеет общей политической линии, создает опасность внутреннего раскола, оказывается недееспособной как для преодоления внутренних проблем в обществе, так и для продвижения украинских идей во внешнее пространство. В ЕС вступают и страны, в которых социальные стандарты равны украинским, но преимущество этих государств — в наличии дееспособной консолидированной власти.

Все вышеизложенное касается не отдаленной перспективы, поэтому приступать к поиску ответов на ключевые вызовы национальной безопасности Украины необходимо уже сегодня,

чтобы к рубежу второго десятилетия XXI века были созданы все необходимые предпосылки для устойчивого развития Украины в реалиях динамично меняющегося мира.

Источники

1. *Арриги Дж.* Трудный путь к империи // Прогнозис. — 2004. — № 1.
2. *Асадова Н.* Гадание на «Карте» // Власть. — 2006. — № 24 (678).
3. *а. тхер А.* Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 1. — Январь.
4. *ажезінський З.* Велика шахівниця. Львів-Івано-Франківськ: Лілея-НВ. — 2000. — 236 с.
5. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире // Пер. с англ. — Санкт-Петербург, 2001.
6. *Wallerstein I.* The Essential Wallerstein. — New York: The New Press, 2000.
7. *Горбулін В.* Український фронт четвертої світової війни // Дзеркало тижня. — 2006. — № 29 (608).
8. *Курлацук Д.* Грубое пробуждение для Запада: грядет «сырьевая война» // New Republic (в переводе «ИноСМИ»).
9. *Сценарий «Давосский мир»* // Власть. — 2006. — № 20 (675).
10. *Сценарий «Новый халифат»* // Власть. — 2006. — № 22 (676).
11. *Сценарий «Спираль страха»* // Власть. — 2006. — № 23 (677).
12. *І ах АНеріТаОа* // Власть. — 2006. — № 21 (674).
13. «*Стратегічні тенденції*». Об'єднаний центр доктрин та концепцій Великобританії, 2003.
14. *Су. ов П.* Три кита XXI века. Через пятьдесят лет мировой экономикой будут управлять США, Китай и Индия // Большой бизнес. — 2005. — Май.
15. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО Изд-во АСТ, 2003. — 605 с.
16. *х евцов А и х е. овцов В.* Особливості військово-політичних відносин США і НАТО з Росією в контексті можливих альтернатив для України // Стратегічні пріоритети, НІСД. — 2006. — № 1.